

Лина Сальникова

Вечная
переменная

Лина Сальникова

Вечная переменная

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48575404
Вечная переменная: Скифия; Санкт-Петербург; 2019
ISBN 978-5-00025-180-5

Аннотация

Стопка истрепанных писем падает со стола. Один лист цепляется за другой, и каждый – сам по себе. В наших руках они складываются в большую историю и рассыпаются на элементы. Штампы и линейки, тире и точки, напечатанные слоги и разлитые чернила – наш способ сказать миру о том, что мы еще живы, еще любим, еще помним. Мы отправляем послание. В каждой его странице – вечная. В каждой его строчке – переменная.

Содержание

Остается любовь	6
Взаимность несовпадений	7
Гербарий	8
Имя твое	9
Она обожает летать	10
Ньютоновские яблоки	11
Та, что	13
Черное сердце	14
Море космоса	15
У каждой пристани	16
Почти записка	17
Причальные души	19
После боли	20
Затихать	21
Ностальгический	22
Стеклянный зверинец	23
Общее небо	25
В теплую среду	26
И такая проснется	27
Заговор	28
Для оставшихся	29
В уме	31
Двое	32

Запомни	33
Бессонница	34
Возвращенный себе	35
Марфинька[1]	37
Целебное	39
Распахивая рубашку	40
Цунами	41
Громче	42
Теплая листва	43
Как будто ребенку	45
Первый закон земли	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лина Сальникова

Вечная переменная

[Тексты Лины Сальниковой | @tatkalina]

[Фото на обложке Дины Беленко | @dinabelenko]

Остается любовь

Нити солнца ложатся косо на циферблат,
ветер косы плетет занавесочным тонким лентам.

Я храню в себе сонмы историй, дорог, заплат,
мира теплую мирру и пару минут до лета.
Все мы – несколько слов, пыль докуренных сигарет,
поспеши рассказать себя – может быть, кто услышит.

Только если всё лишнее в нас и о нас стереть —
остается любовь. Так устроено чем-то свыше.

Взаимность несовпадений

Это всё, что тебе обязательно знать о людях:
у тебя к ним что-нибудь будет, у них не будет —

и такие несовпадения совершенны,
потому что без них не сбывается притяжений.
Не совпасть бы один в один, и душой, и телом —
потому что так ты словно проходишь стену,
так проходишь насквозь, будто штору косое солнце.
Ничего и ни в ком от такого не остается.
Хоть зазубринка, хоть какая-то непохожесть,
несогласие среди сотни согласных множеств
между вами пусть однажды, но существует.
Только так и можно увидеть себя живую.
Только так и можно услышать в другом живого,
а не эхо, повторенное слово в слово.
Только так не становятся отзвуком, чьей-то тенью.

Обоюдность различий.

Взаимность несовпадений.

Гербарий

Ходишь странной, как будто душа без тела.
По шепотке от мира кладешь в гербарий.

Я о чём-то тебе рассказать хотела,
только громкость мне кто-то теперь убавил.
Замечаешь все шорохи, запах тонкий —
это сердце под листьями бьется сухо.
Столько листьев насыпалось, жизнью столько —
только кто-то лишил половины слуха.
Я хотела сказать тебе об огромном,
только громкость мне кто-то теперь убавил.
Запах тонкий по узкой сушеной кромке,
травы судеб, сплетения их, гербарий.
В пожелтевшей сердечной моей коробке —
я хотела сказать, кто-то звук убавил —
я людей, как цветы, оживляю, робко
прикасясь по памяти к ним губами.

Имя твое

Имя твое бы высечь на сердце загодя —
не страшно тогда и в жизнь, и в другие странствия.

Солнце дрожит в небесных весенних заводах,
и дрожь эта требует чуткости и участия.

Имя твое шифровать бы татуировками —
деревом Тургора, пятой стихией – в памяти.

Солнце сегодня робкое, небо робкое,
тихо дрожат от легкого ветра заводи.

Загодя, вырезать имя на сердце загодя,
чтобы не страшно ни в омут, ни в жизнь, ни в заводи.

Чтоб на изнанке, твердой рукой записано,
пульсировало и вело за дрожащей высью нас.

И в свете счастливого, и среди мрака лютого —
чтоб помнить, как я, несмотря ни на что, люблю тебя.

Она обожает летать

Она обожает летать, но не в этом дело.
Февраль превращается в джунгли: жара и звезды.

Хорошая книга – история совпадений:
читаешь про запах, и запах щекочет ноздри.
Она остывает от города, привыкает
к бескрайней свободе, где больше не давят стены.
И город становится скомканными клочками,
пока льется свет через листья, сливаясь с тенью.
Пока о ней варят кофе и пьют ночами,
скучают, по дому её собирая вещи,
она растворяется в местности, изучает
и чувствует счастье, огромное, человечье.
Хорошая книга – страницы пересечений:
на каждой сердца, как созвездия, бьются ближе.

Ей боги небесные карту полета чертят,
и гаснет надолго февральский огонь вечерний.

Зажжется, когда она книгу свою допишет.

Ньютоновские яблоки

POSTCARD 8

Ньютоновские
яблоки

Солнце катит ньютоновским яблоком за хол-
мы»,
оставляя закатные брызги на сводах крыт.

У хороших историй всегда есть приписка «мы», | осталь-
ные не стоят ни времени, ни игры.
Это в нас – краснобокие, огненные сердца | созревают к

весне, вычисляют по облакам,

с кем истории наши останутся до конца, | а на ком останутся время или строка.

Мы храним чудаков, одиночек, несущих свет. | Выключаем февраль, если некого в нём жалеть.

Тот, кто знает закон, успевает взглянуть
наверх

до того, как закат разбивается на земле.

Та, что

Та, что тебя не ждет, выключает звук.

Та, что тебе не нужна, зажигает свет.

Первая – жуткая сказочка наяву.

Вторая же – самая грустная из невест.

У первой твой омерзительно гордый нрав,
во власти второй – вся нежность, что ты искал.

И жизнь твоя – снова и снова – одна игра,
где ты тянешь руки и бьешь себя по рукам.

В одну ты втянулся, как нитка в веретено.

С другой ты, как звенья цепи, насовсем разъят.

Пока ты гадаешь, какая могла быть мной,
и та, и другая всегда – неизбежно я.

Черное сердце

Мое черное сердце с извечной изнанкой солнечной
манит силой любви, обжигает холодной полночью.

Что мне мрак, если в нем и светлое есть, и темное?

Надо только разматывать, видеть, искать укромное.

Надо только, фонарь оставив, идти сквозь марево,
наступать осторожно, доверчиво разговаривать.

И открыто любить больное за едкой горечью.

Всё осветит мне черное сердце с изнанкой солнечной.

Я давно так живу, мне не стоит усилий ощупью
находить то, что спрятано, но показать мне хочешь ты.

Я давно уже знаю, как грубое просит нежности,
как отмечен судьбой тот, кто, нежность вскрывая, режет-
ся.

Ничего в этом мраке не страшно и не разрушено —
свет умеет его объяснять и обезоруживать.

И с тех пор ты идешь ко мне, лунный, наполнен полночью.
За моим черным сердцем с извечной изнанкой солнечной.

Море космоса

А глаза её – два кита, рот – шкатулка нот,
то ли музыка, то ли море внутри звенит.

Осень сузит зрачки так, как будто ей всё равно,
жизнь замкнется в себе, будет слушать её в тени.

Море космоса, космос моря, откройте шлюз,
этот город – почти корабль и телепорт.

Надышаться бы этим «я счастлив, но я боюсь»,
как душа просочившимся, вышедшим в ночь из пор.

Два кита, два хвоста, две мелодии в тишине.

Жизнь стоит у подмостков и смотрит в сердца волнам.

Осень делает вид, что ей всё равно, только – нет,
только музыка сердце сжигает ей докрасна.

Город, словно корабль, дает свой последний крен,
бьют хвостами киты, растворяются в синеве.

Море космоса, космос музыки в ноябре.

Телепорт, из которого падают души вверх.

У каждой пристани

У каждой пристани словно по рукаву – в них дышат ожившие, тени к ветрам плывут. И дети хохочут, и стайкой несутся к маме.

И в этом вселенском, вмещающем всех кармане весна окунается золотом в синеву. У писем воздушно-капельные пути: глотаешь по фразе, стремишься не пропустить. И если размыты буквы – попало море. Мы живы, мы руки раскинули на просторе: шуты, моряки, открыватели новых птиц.

Толкай меня в спину, рискуй со мной, балагурь – в кармане Вселенной нам хватит и слов, и бурь. И нежности хватит, и паруса, и объятий.

И смелости – главное, смелости – тоже хватит
прижаться к соленой влаге любимых губ.

Почти записка

POSTCARD 12

Почти
записка

Кто я тебе после долгого размышления?
Кто тебе я – после длительного отсутствия?

Осенью правда похожа на преступление: | кажется будто теперь об нее убьются.

Холодно, горячо, далеко ли, близко ли – | пустые попытки во всё разглядеть пророчества

Я бы могла оставить тебе записку и в ней рассказать о том...

но уже не хочется.

Причальные души

Что мы вспомним, когда будет нужно себя наполнить? По каким адресам разошлем пару длинных писем? Где-то там, далеко, на гранит набегают волны, где-то здесь ты от города полностью независим. Мы – вода, наши души причальные укачало, унесло к берегам, где казалось, что принимали. Но теперь, когда всё уже можно начать сначала, мы сумели понять, что простых притяжений мало. Наши души причальные слишком сухи от счастья, слишком сильно бумага впитала в себя чернила.

И теперь недостаточно где-нибудь повстречаться.
Нужно, чтобы нас большее что-то объединило.

После боли

Иногда в боли больше света, чем во Вселенной.
Если спросят, то я люблю свою боль за это.

Столько жизней сидеть и думать, обняв колени,
постигать мироздание сквозь череду ответов.
Быть источником, окончанием нервным, точкой
болевой на карте галактики, жить без кожи.
Иногда, на боли сердце сосредоточив,
понимаешь, что воскреснешь и снова сможешь.
Столько жизней – стиснув зубы, ища ответы,
поражённый, обездвиженный, не готовый.

Если спросят, то я люблю свою боль за это.
За рождение после боли моих сверхновых.

Затихать

У января привычка затихать. Настенные часы молчат весь день, и нет ни слов, ни мыслей, ни людей – ни в памяти, ни в жизни, ни в стихах. Так начинает новая глава писать себя с большого ничего, чтобы вернуть сначала Рождество, а после – дать нам вновь существовать. И первый лист пока остался бел, и буквы не касаются страниц. Воскреснут все, кто остается с ним: январь – дорога от себя к себе.

Вот год заходит в новую петлю,
так тихо, что немного страшно жить.
До Рождества листов не ворошить —
искать себя и заново сложить.

Я мало что настолько же люблю.

Ностальгический

Всё какие-то глупости, нежности неуклюжие,
всё навязчивый сплин, осенний и ностальгический.

Что еще у нас обнаружить, обезоруживать,
что еще нам осталось опять пережить стоически?

В этой старой романтике молча любить по-прежнему
что-то есть от щемящего, детского, просветленного.

Что нам ждать друг от друга, что снова начать отслежи-
вать,

если это останется прежней простой влюбленностью?

В твоём северном сердце тоска превратилась в вежли-
вость.

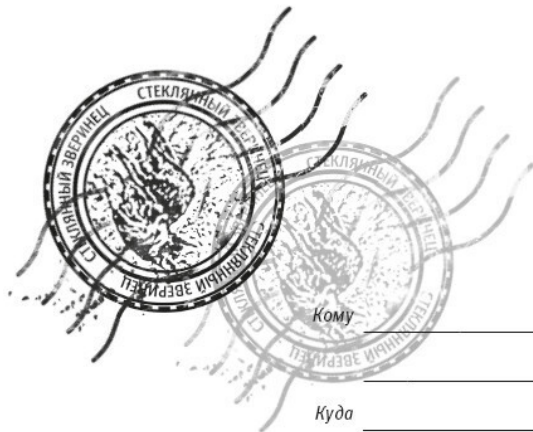
Невозможность меня не помнить – в игру с привычками.

Эта ласковая неуклюжесть, неловкость нежности.

Неотвязчивый сплин, осенний и ностальгический.

Стекланный зверинец

POSTCARD 7

Стекланный
зверинец

Куда

Я попробую. Не разбежаться и не касаться.
Не сбивать, самой не сбиться, не отразиться.

Обожание – это не тронуть тебя и пальцем, | не разбить
стеклянного собранного зверинца.

У кого не хватило воли не сдаться ритму. | тот не стоит в
музыке и моего мизинца.

Не касаться тебя стал о правильным алгоритмом – | он помог тебе остыть и остановиться.

Я останусь хрустальной, отточенной поддетально. | на сечении остром самости и соматик.

У меня такие нервы, что крепче стали – | никаких твоих на такую игру не хватит.

Я так бережно за стеклянным слезу зверинцем, | потому что чертовски опасно со мной сближаться.

Обожание – это не тронуть тебя и пальцем.
Разобьёшься.

Ты всегда рисковал разбиться.

Общее небо

Ты послушай, ведь я люблю тебя, и неважно,
кем мы станем друг другу, если когда-то станем.

Наше небо – всё время общее. День вчерашний
с днем сегодняшним никогда не менять местами
и понять, что живут не в прошлом, не сном о прошлых,
а сегодня – бегут за движением узкой стрелки.
Успевать в настоящем – главное, мой хороший,
даже если оно нашим общим бывает редко.

И сегодня не день – коридор от весны до лета:
сделал шаг, и весь город в ответ отозвался гулко.

Я вхожу к тебе распрямившейся и согретой,
нахожу тебя по влюбленности или звукам
бесконечно родного голоса, что разрушил
всё границы, которые прежде существовали.

Вспоминая меня, выйди в город и просто слушай
это общее небо над нашими головами.

В теплую среду

В теплую среду на грани чистого четверга
выходить на улицу, как на берег большой реки,
видеть мачты высоток и бордюрные берега,
и машины, вдали снующие, как мальки.
Все наши пристани через годы срослись в одну,
все наши сказки сбросили цепи и чужаков.
Смотри в меня так, как будто нам выпало утонуть,
но смерть передумала, выстрелив в молоко.
В теплую среду, такую теплую, что июль —
пеплом ли тонким, пухом ли тополиным —
я тебя слышу таким, как вечности не споют,
и улицы тянутся ввысь фонариным клином.
В это теплое время суток, и лет, и слов,
застывая от счастья, я возникаю на берегу.

Радость моя, нам, кажется, дьявольски повезло
читать по движению дней, облаков и губ.

И такая проснется

И такая проснется боль, развернется даль,
что не каждый скиталец сумеет преодолеть.

Проходить бы в твоих ладонях по городам,
оставаться у колоколен покатых плеч.

Краем губ собирать у виска твой соленый пот,
видеть солнце, скользящее косо к твоей спине.

И на миг замирать, если всхлипнет скрипучий пол
под ногами в студеной утренней тишине,
в час, когда ты забылся, подушки коснувшись лбом,
беззащитен и чуток, наполнил теплом кровать.

И такие в уходе щемящие даль и боль,
что идти, но по памяти всё еще целовать.

Заговор

У меня будет не история, будет заговор.

Будет время ложиться в мокрый асфальт зигзагами.

Я пишу, я спешу, пролагаю маршруты пешие через тернии и предсердия, там, где смешаны одиночество, гордость, дичания и венчания. Откликаются светлые, сумрачные печалются. А история длится, вяжет узлы и режет их, чтобы стать для кого-то правдой, зубовным скрежетом или счастьем практически полного совпадения. Это заговор, в нём предусмотрены наваждения. Это заговор – в нём предусмотрены повторения: сила тяжести, сила легкости, сила трения. Кто согласен, тот именем собственным в ней окажется. Кто откажется, тот не сдастся страничным стражницам.

Я бессменная книга: прочел, начинаешь заново.

Не история.

Тьмы и света сердечных заговор.

Для оставшихся

POSTCARD 4

Кому _____

Для оставшихся

Куда _____

Здравствуй, северный ветер, в цвет моего крыла.

Время тикало, чтобы теперь обнулить отсчет.

Да прошу я таких, с кем остаться я не могла. | Да простят меня те, кто сейчас себя здесь прочел.

Время будет нестись, заходя на другой виток, | не щадя

никого, с кем расправился метроном.

Да прощу я таких, кто остался мне пустотой. | Да простят
меня те, с кем я больше не об одном.

Здравствуй, северный вдох, мой уверенный взмах крыла.
| Остаются мои, остальных заберет метель.

Для оставшихся там – в новой книге не
будет глав.

Для оставшихся здесь – будет право со
мною лететь.

В уме

Ты держишь меня в уме, я иду с ума —
в поток городской, где время опять спешит.

Отмаялся май, что был мал и не обнимал
достаточно перед тем, как наступит жизнь.

Ты держишь меня в уме, а хотел – в руках,
в отсутствии слов, в наступлении тишины.

Я снова иду с ума, ты идешь искать,
но образы временем были искажены.

Осталось молчание – слишком простая смерть
для тех, кто не может слова подобрать внутри.

Ты держишь меня в уме, ты всегда умел.
Но не научился мне этого говорить.

Двое

Тени теперь длиннее, а ночи дымчаты.
Город пустеет, словно гнездо кукушечье.

Город – как детонатор со смесью взрывчатой:
перед нажатием кнопки замри, прислушайся.
Вспомни, какие летние, желторотые
по дому лучи скакали, пока не выросли.
Город встречает новыми поворотами,
дымчатый вечер пахнет студеной сыростью.
Первый костер в груди твоей робко теплится —
первые встречные тихо приходят греться им.
Кто-нибудь непременно в тебе поселится,
в кожаной куртке скрипучей; ладошкой детской,
пахнувшей грецким орехом, прижмется к важному.
Глянeshь – а счастье свернулось в клубок, освоилось.

И перед взрывом осенним уже не страшно вам.
Теперь-то на свете двое вас.

Запомни

Февраль разрывает овациями слова —
услышан лишь тот, кто знает дорогу к сердцу.

Запомни, как нужно до одури целовать,
как надо гореть мною, если ты хочешь греться.
Я бешеный пульс, я стучу у тебя в висках,
я делаю так, что ты дышишь быстрее и глубже.
Запомни, как нужно взгляд мой в толпе искать,
как нужно хотеть меня дико, но безоружно.
Февраль разрывает овациями слова:
кто в сердце — тот выживет, тот зазвучит иначе.

Я — та, которую **хочется** целовать.
И бог мой — любовь.
Будь же силой её отдачи.

Бессонница

Тишина, которую бережно ворожу, собираю пылью на пальцы, держу внутри, превращается в одночасье в дорожный шум, городской неумный ритм.

Город ярко горит – осень ест его до зари. Тишину мою кто-то опять превращает в звон. Ровно за полночь город часто похож на крик – шум и ярость его обступают со всех сторон.

Тишину мою кто-то опять превращает в стук: сердца, старых дверей, механизма часов, шагов. Ровно к полночи я создаю себе немоту, ровно за полночь в ней обязательно есть другой.

Я так долго сижу и усидчиво ворожу, потому что умею молчанием врачевать. Мир шумит: звук машин, в законе – упрямый жук, непростые слова и простые совсем слова.

Возвращенный себе

Открывая портал в настоящее, как сундук,
разбирая уже устаревшее барахло,
через тернии я нахожу себя, как звезду,
обретаю себя, чтобы снова гореть светло.
Шорох писем бумажных, цепочки и серебро,
рой оживших мгновений, десятки сменённых лун —
в сундуке моем много добра, но мое добро,
пережитое мной, превратится теперь в золу.
Разбирая сундук, мне пора опустеть на треть,
чтоб наполниться новым, когда я пройду портал.

Превращенный в золу знает, как же светло гореть.

Возвращенный себе знает, в чем его высота.

Марфинька¹

Марфинька,
это чертовски несправедливо:
вот я тебе навстречу сорвался ливнем.
Лил, целовал, ласкал тебя и лелеял —
тикало тихо время, меня жалея.

Как я молчал тебе, лаял тебе печалью —
кто меня, глупого, так тобой припечатал?
Кто меня ласково плёл по твоим коленям,
чтобы в пути в паутину попался пленник?

Любишь ли ты меня? Именем правду выменял —
стал черепком, очерствелым отбитком глиняным.

Это ли ты,
эта ли ты,
не эта ли?

Из паутины тянусь к тебе за ответами.

Марфинька, несправедливо.

¹ Из писем Цинцинната.

Чертовски.

Каторжно.

Вырваться из телесного на бумажное.

Стать тебе скрежетом, режущей слух фонетикой,
фонетикой стать тебе, режущей слух, и скрежетом.

Вырваться из телесного на бумажное.

Это несправедливо.

Чертовски.

Каторжно.

Марфинька...

Целебное

Целебное чувство безбрежности и тоски — кто носит на сердце многих, тот знает это.

К воде приникают ветер и моряки, сколько бы футов ни выдержал этот киль, все равно маяки его встретят где-то.

Как я люблю через север идти на юг, пьяной моряцкой нежностью борт качая. Как я люблю, когда горечь моя крепчает, сводит моих с ума или жмет в плечах им, когда их сердца обо мне уже не поют.

Север всегда принимает холодный вид: давай, преступи, осадит меня, словно крепость. Теплые встречи – такая большая редкость, но в каждой так много желания и любви.

Как я умею раскинуться и пылать, как мне мелки любые преграды чьи-то, светлой, нагой, неминуемой и открытой, сердца раскаляющей медленно добела.

Целебное чувство светло выносить печаль, льдом разбавляя истории, что покрепче. Память лечить одиночеством, время – вечным, свободу – умением честно по ним скучать.

Упорство мое зажигало в них маяки, упорство их не сдавалось и ожидало.

Север и юг любви. Обоюдность. Дао.

Целебное чувство безбрежности и тоски.

Распахивая рубашку

Ловя руками скорбь,
распахивая, как небо,
голубые свои глаза, голубую свою рубашку,
она похожа на птицу, и в сердце ее горел бы
любой, кто хотел гореть, любой, кому было страшно.
И скорбь ей дана легко —
всего лишь на лбу две складки.
Распахивая рубашку, распахивая ресницы,
она остается светом. И в пепельной тонкой прядке
уложено много жизней, способных в ней поместиться.

И кровь её – молоко,
дорога под облаками.
Распахивая рубашку, распахивая рубашку,
она похожа на птицу, и между ее руками
зияет сплошное небо, в котором светло разбиться.

Цунами

Неизменная тяга наземная между нами.

Так рождаются наваждения и цунами.

С неизбежным созвучным становится слово «нежность».

Ни огня, ни земли и ни воздуха больше – между нами, это «нами» идет волнами,

надрывает сердце, заходится от стонаний,
оседает пеной часов, проведенных порознь.

Нами, нами – и эхо воздух взрывает ором.

Мы, бегущие по волнам, беглецами станем,
изменив хоть однажды законам моряцкой стаи,
дезертирами брызг соленых, шальной стихии —
нам нельзя из такой любви выходить сухими.

Неизменная тяга, могучая неизбежность,
ни земли, ни огня и не воздуха больше – между.

Так срывают последний вдох под крылом цунами.

Сумасшедше глухими от нежности нами.

Нами.

Громче

У нее – тонкий чувственный рот, в рукаве – рок-н-ролл. Пыльный город спускается вечером в низкий бас. Это лето – язычество, в жилах вскипает кровь, разномастными языками наполнен бар. Выбирай себе верные путь, города и пульс, чей-то хрупкий запястный звон на лету лови. Тонкий рот её сипло поет, что пропал ты – пусть, ведь любая из песен, конечно же, о любви. Вечер сед, словно в дыме сигарном идет ко дну, пальцы входят под струны, под сердце и до нутра. Это лето – вдыхать с тобой общую тишину, опускаясь на простынь в четыре часа утра.

Терпкий голос поет – словно в чьем-то бокале лед, оплавляясь губами, ласкает стеклянный край. Это лето я угадаю с двух первых нот.

Делай громче меня.

Прикасайся ко мне.

Играй.

Теплая листва

POSTCARD 10

Кому

Теплая листва

Куда

И теплая листва, и танцы в темноте —
мы все живем насквозь, у времени в гостях.

Мне нужно быть собой, срываться и лететь и сохранять
таких, которые летят. У времени в горсти, у осени в сердцах,
из пепельных высот, из пламени земли — я есть, пока другой
живет нас до конца — и магия проста, и мы её смогли. Мы
слишком, мы насквозь, качнется лунный диск, крылом заде-

нет ночь темнеющую ветвь. Мы – не для всех, мы тем, кто
уместит в груди нас полностью, шальных, стремящихся на-
верх. Мы падали, когда кружилась голова от силы ощущать
вселенскую любовь.

Но нас внизу ждала согретая листва.

И те, с кем просто быть.

С кем просто быть собой.

Как будто ребенку

Так трогательно, как будто совсем ребенку
объяснять, что нежность – простая основа мира.

Любовь между нами всегда была слишком тонкой,
но все-таки крепкой, чтоб ей выживать хватило.

Как будто учить ходить: сделай шаг, не бойся,
смотреть, как ты неуверенно тянешь пальцы.

Любовь между нами всё время была, да бог с ней,
когда чем-то большим способен в другом остаться.

Как будто ребенка, учить тебя, как ребенка —

за крепостью внешней всегда остается хрупкость.

Слова не слышны, если страх в груди бьется громко.

Но есть мои руки.

Первый закон земли

А совсем без тоски нельзя —
это первый закон земли.

По небесной воде скользят белокрылые корабли.
Я была бы тебе сестрой, клятвой шепотом – горячо.
Но крыло корабля остро, режет – синяя кровь течет.

Нечет – чёт,
нечет – чёт,
и вот
небо вспорото на куски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.